

ПАМЯТИ Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА

"Курьер", 1902 г., No 73

Сегодня исполнилось семьдесят пять лет со дня смерти Дмитрия Владимировича Веневитинова.

"Отцветать, не успевши расцвести", - обычный удел русских писателей... Но, кажется, ни один из выдающихся русских писателей не "отцвел" так рано, как Веневитинов.

Он сошел в могилу двадцатидвухлетним юношей.

Мало успел он "совершить", сравнительно с тем, что обещал совершить.

Самое незначительное число оригинальных стихотворений, несколько переводных, несколько прозаических отрывков - вот и все литературное наследие, оставленное высокоталантливым юношей, в котором некоторые из его современников видели будущего достойного соперника Пушкину.

Тем не менее, в истории развития русской литературы Веневитинов успел сыграть видную роль.

Он стоял в центре интересного культурного течения, зародившегося в двадцатых годах минувшего столетия. Он явился для русских шеллингианцев в том же, чем впоследствии был для гегелианцев Николай Станкевич.

Его рыцарски-благородная личность производила на окружающих его неотразимое впечатление; он умел передать окружающим свой энтузиазм, вдохновлял их на занятия умозрительной философией.

Он был главным оратором и теоретиком нового учения в знаменитом кружке "архивных юношей"*, составивших "Общество Любомудрия".

* Так назвал Пушкин кружок даровитых юношей, служивших в московском архиве коллегии иностранных дел. К этому кружку принадлежали, между прочим, и братья Киреевские и кн. В. Одоевский, и А.И. Кошелев.

Правда, защищаемое им "новое учение" само по себе не представляло особенно ценных завоеваний в области мысли.

Оно не могло оправдать тех надежд, которые возлагали на него Веневитинов и его друзья: оно не приводило к "познанию жизни", оно бессильно было способствовать развитию общества.

Оно лишь способствовало удалению Веневитинова от "живой действительности".

Романтически-настроенный Веневитинов вообще склонен был относиться к "толпе" с истинно-аристократическим презрением. Он стремился, вообще, уйти, как истые романтики, от треволнений и запросов растущей жизни в область "личных мечтаний". Его идеалом был "одиноким" герой, "сомкнувший уста молчанием" и погруженный в жизнь внутреннего мира.

В учении Шеллинга он нашел санкцию своим романтическим мечтам. Из этого учения, возникшего на почве искусственного примирения двух противоположных мирозерцаний - мирозерцания немецких интеллигентов-разночинцев конца XVIII века и мирозерцания феодально-аристократического, - Веневитинов усвоил себе, главным образом, догмат "предустановленной мировой гармонии" и учение об искусстве, как венце человеческой деятельности.

"Новое учение" позволило ему игнорировать запросы текущей минуты, успокоило его крайне оптимистическим взглядом прогресса, дало ему полное право жить исключительно в мире "счастливого" прошлого и будущего, которое он рисовал себе в самых фантастических красках.

Вслед за Шеллингом, он провозгласил: "философия есть высшая поэзия", признал фантазию могущественным двигателем судеб человечества, создал идеал гения-поэта, которому одному могут быть открыты "тайны" мировой жизни...

Но усвоенное им учение не долго спасало его от "действительности"... Под конец его жизни, когда он переселился на "берега Невы", когда рассеялся "кружок архивных юношей", когда ему ближе пришлось подойти к самой жизни, его романтическое настроение, его уверенность в обладании "жизненной мудрости" начала покидать его. В его позднейших произведениях проскальзывают пессимистические нотки...

При всем оптимизме и квинтизме "новое" учение было драгоценно тем, что оно приучало русских интеллигентов жить интенсивной умственной жизнью, пробуждало их от "бездействия мысли"...

Горячий протест против "бездействия мысли" - вот именно что придает громадную ценность литературной деятельности Веневитинова, вот что ставит его в ряды передовых русских людей.